

Маркевич Болеслав Михайлович

**Полное собрание сочинений Б.М.
Маркевича**

Том 6

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Б79

Б79 **Болеслав Михайлович М.**
Полное собрание сочинений Б.М. Маркевича: Том 6 / Маркевич Болеслав Михайлович –
М.: Книга по Требованию, 2023. – 513 с.

ISBN 978-5-519-95438-9

ISBN 978-5-519-95438-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

П Е Р Е Л О М Ъ.

П Е Р Е Л О М Ъ.

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ *).

Безумный патяскъ здѣсь, а тамъ
отпоръ *безсильный*.

Изъ народна.

Tis all in vain to keep a potter
About a vice, and fall into an other
Pore.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

E pur si muove
Galileo.

Тебя-ль забыть!...
Цыганскій романсъ.

Въ Большомъ театрѣ шли *Пуритане* съ Бовіо и Калцолари. Княгиня Краснорѣцкая давала въ этотъ поведѣльникъ большой балъ Двору, и театральная зима представляла по этому случаю особенно праздничный видъ. Въ креслахъ возсѣдали военные и статскіе сановники, въ зѣвкахъ и лентахъ; въ бельэтажѣ счастливыя избранницы петербургскаго high life прикрывали роскошными sorties de bal свои обнаженные плечи, и осторожно, не ворочаясь, держали свои пышно украшенные цвѣтами и брилліантами головы; за ними

*) Впервые напечатана въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ во 2, 3, 4, 6 и 9 книжкахъ за 1880 годъ и въ 1, 3, 4, 7, 8, 11 и 12 книжкахъ за 1881 годъ, а въ 1882 году книжный магазинъ „Новаго Времени“ напечаталъ ее первымъ отдѣльнымъ изданіемъ въ двухъ томахъ.

изъ глубины выглядывали бѣлые галстуки и шитые воротники мужей ихъ и поклонниковъ, тѣсно жадшихся къ задней стѣнѣ ложъ, изъ боязни помѣть разстилавшіяся предъ ними волны газа и шелка надъ необъятными криволиниями. Весь этотъ свѣтскій людъ, поглощенный мыслию о предстоящемъ балѣ, разсѣянно, чуть не угрюмо, внималъ Беллиниевскимъ мелодіямъ, между тѣмъ какъ сверху, изъ той счастливой области подъ плафономъ, гдѣ наслажденіе искусствомъ даруется цѣною бани въ соровъ градусовъ жары, раздавались послѣ каждой аріи оглушительныя рукоплесканія и клики восторженныхъ молодыхъ голосовъ. Внизу сочувственнѣе всѣхъ относился, повидимому, къ этимъ поднебеснымъ восторгамъ высочій, богатырски-сложенный генералъ въ парикѣ съ хохломъ и алмазами на груди, занимавшій кресло рядомъ съ генералъ-губернаторскимъ и небрежно отвѣчавшій кивками на низкіе поклоны проходившимъ мимо него звѣздоносцевъ; важный савонинъ питалъ, какъ извѣстно это было всему Петербургу, старческую невинную страсть къ сладкозвучной примадоннѣ, заливавшейся, какъ бы въ угоду ему, въ этотъ вечеръ во весь раскатъ своего соловьиного голоса. Бѣдная дочь страны, любимой солнцемъ, она не предчувствовала, что, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, ее должно было унести изъ числа живыхъ суровое дыханіе враждебнаго сѣвера.

Въ пятомъ ряду креселъ, у самаго прохода, сидѣлъ молодой человѣкъ, лѣтъ 30—32-хъ, въ штабъ-офицерскихъ эполетахъ и съ Георгіевскимъ офицерскимъ крестомъ на пѣхотномъ мундирѣ кавказской формы. Свѣтлорусый, съ бровями и усами темнѣе волосъ на головѣ—признакъ породы—лицо его отличалось замѣчательною правильностью и изяществомъ своихъ чертаній; но внимательный наблюдатель могъ бы прочесть на этомъ красивомъ лицѣ несомнѣнные слѣды мятенно и страстно прожитаго прошлаго. Въ общемъ выраженіи этихъ тонкихъ чертъ, въ складкахъ рта, въ абрисѣ опущенныхъ, чуть-чуть помаргивавшихъ глазъ сказывалась какая-то будто утомленная энергія, пресыщеніе или горечь неудовлетворенной жизни. Онъ сидѣлъ, весь согнувшись высокимъ и худымъ тѣломъ, въ своемъ креслѣ, подпирая голову лѣвою рукой, а

правою разсѣянно перебиралъ по черной густой волнѣ папахи, лежавшей на его колѣняхъ. Легкая, какъ бы необычная ему улыбка играла на его губахъ—улыбка, которую вызывало въ немъ зрѣлище того впечатлѣнія, какое очевидно производило превосходное исполненіе оперы на сосѣда его съ правой стороны. Сосѣдъ этотъ, человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ широкимъ, выпуклымъ и голымъ черепомъ и чертами лица, напоминавшими Сократа, былъ по всѣмъ признакамъ меломанъ въ квадратѣ, меломанъ-фанатикъ, меломанъ-факиръ. Откинувшись затылкомъ въ спинку своего сѣдалища, онъ полулежалъ, закрывъ глаза и расширивъ ноздри, словно стараясь вбирать въ себя ими опьянявшіе его звуки; увлажненные, чувственные губы прищмокивали, будто тѣ же звуки вливались въ нихъ въ то же время въ видѣ сладчайшаго напитка, и до слуха Кавказца явственно доносились отъ времени до времени легкой стонъ и едва сдержанное завываніе, вырывавшіеся изъ гортани сосѣда отъ избытка музыкальнаго наслажденія. „Небеса, не-бе-са!“ приговаривалъ онъ какимъ-то таинственнымъ шопотомъ, ежась и поджимаясь, какъ сытый котъ на солнцѣ, пригрѣтый весеннимъ солнцемъ...

Онъ припелъ въ себя лишь въ ту минуту, когда опустилась занавѣсъ за послѣднимъ аккордомъ финала перваго дѣйствія.

— Еще немножко, и я бы началъ беспокоиться за васъ, сказалъ ему насмѣшливо Кавказецъ, лѣнливо подымаясь съ мѣста и оборачиваясь спиной въ сценѣ; — музыка производитъ на васъ то же дѣйствіе, какъ на другихъ опиумъ или гашишъ.

— Да помилуйте-съ, обидчиво возразилъ тотъ,—вѣдь это надо понимать-съ, вѣдь это послѣдніе соловьи-съ, послѣдніе Могикапы великой классической школы пѣнія!... Вѣдь это божественно-съ! Вѣдь отъ этого-съ должны у самаго черстватаго человѣка во всей вселенной расцвѣсти на душѣ гораціанскія розы! приговаривалъ онъ, уже шипя, язвительно поглядывая на своего собесѣдника; словно именно его разумѣлъ онъ самой черствою душой во всей вселенной.

Кавказецъ продолжалъ улыбаться: артистическій энту-

визмъ его театральнаго сосѣда былъ слишкомъ видимо искрененъ, чтобъ имѣлась какая-либо возможность оскорбиться его ребячески агрессивнымъ способомъ выраженія.

— А вѣдь хорошо! улыбаясь и слегка пришепечывая заговоришь, оборачиваясь къ разговаривавшимъ, сидѣвшій предъ ними въ четвертомъ ряду большаго роста господинъ, съ неправильнымъ, добродушнымъ и умнымъ лицомъ, носомъ формы истоптанныго башмака и довольно длинными, сѣдоватыми волосами, густыя пряди которыхъ, падавшія ему на лобъ, онъ то-п-дѣло откидывалъ головой или рукой назадъ.

— Еще бы! выразилъ меломанъ движеніемъ плеча, между тѣмъ какъ тотъ обводилъ биноклемъ окрѣпость бельэтажа.

— Какой старикъ великолѣпный! сказалъ онъ, остановивъ его на одной ложѣ.

— Это—Кавказецъ повелъ взглядомъ въ ту же сторону,—англійскій посланникъ при нашемъ дворѣ.

— Благороднѣйшая англо-саксонская кровь! воскликнулъ меломанъ. — Глядите, какая тонкость и твердость очертаній, а въ выраженіи какое сознаніе своего я, *I am a man*, я человекъ, такъ и читаешь на этомъ изящномъ родовитомъ лицѣ.

— Да, подтвердилъ сѣдоватый господинъ, глянувъ кругомъ прищуренными глазами,—особенно если посравнить...

— Вѣдь этого нельзя-съ, Петенька, зашепталъ тутъ же, осторожно озираясь, меломанъ, хватая на-лету недосказанную мысль,—тутъ-съ—позволь тебѣ сказать, сравненія неумѣстны. Вѣдь *раса*, побезный другъ, не есть случайный фізіологическій продуктъ, а результатъ цѣлаго процесса исторіи, да-съ! Вѣдь тамъ-съ уже сто лѣтъ послѣ норманскаго завоеванія не оставалось ни единого раба на всемъ пространствѣ страны. Тамъ-съ въ продолженіе столѣтій взрастаютъ поколѣнія въ сознаніи своей свободы, своихъ гражданскихъ и политическихъ правъ-съ. Соотвѣтственно сему выработался и этотъ типъ независимаго, гордаго, оригинальнаго человека.... А тутъ-съ, уже защищълъ онъ,—отъ чухонской помѣси, татарской плети и московскаго батожа могли произойти единственно индючьи носы, какъ у насъ съ тобою, Петенька, и

выраженіе *усердія* на челахъ — да-съ! Такъ какія же тутъ сравненія!...

Джентльментъ, котораго пріятель его называлъ „Петенькой“ весело разсмѣялся. Кавказецъ, слегка наморщившись, поглядѣлъ на нихъ:

„Индючьи носы“, недурно! Заявили себѣ низшею „расой“, племенемъ рабовъ, — и ликуютъ... Какъ это у нихъ, по-новому, называется: „самообличеніе“ или „самооплеваніе?“ спрашивалъ онъ себя съ какимъ-то гадливымъ выраженіемъ на лицѣ.

— Троекуровъ, взгляни, какъ эффектна сегодня *madame Rantzoff* проговорилъ въ эту минуту ему на ухо проходившій мимо адъютантъ.

Онъ, какъ бы нехотя, лѣниво обернулъ голову на ложу перваго яруса съ лѣвой стороны, гдѣ въ пунцовой, расшитой золотомъ мантильѣ, накинута на великолѣпныя плечи, въпчанная головнымъ уборомъ изъ пунцоваго же бархата, перевитаго жемчугомъ, и сіяя двумя огромными платонами, продѣтыми въ маленькія розоватыя уши, сидѣла молодая черноглазая женщина, весьма, дѣйствительно, „эффектная“ своею яркою, вызывающею красотою. Напередѣ, рядомъ съ нею, помѣщалась какая-то выпѣѣтшая особа, по всѣмъ признакамъ компаніонка или бѣдная родственница. Дверь ложи постоянно отворялась, впуская и выпуская антрацитовыхъ посѣтителей, преимущественно изъ военной молодежи, обмѣнивавшихся съ красавицей очень веселыми очевидно рѣчами, судя по тому, что она то-и-дѣло прикрывала, большимъ, отороченнымъ бѣлыми перьями, вѣеромъ свои алмы, широко раскрывшіяся отъ смѣха губы.

— *Est-ce qu'elle va au bal?* все такъ же шопотомъ спросилъ адъютантъ не то насмѣшливымъ, не то недоумѣвающимъ тономъ, рассматривая издали роскошный туалетъ госпожи Ранцовой. Онъ разумѣлъ, само собою, балъ у княгини Краснорѣцкой, куда ѣхалъ самъ „*et tout le monde élégant*“.

Вопросъ этотъ, повидимому, былъ не пріятель Троекурову; онъ сдвинулъ брови и дернулъ плечомъ:

— Поди, спроси ее. Я почемъ знаю.

И вдругъ глаза его блеснули, — блеснули живымъ, молодымъ блесномъ, странно противорѣчившимъ общему характеру его усталого облика. Они наткнулись случайно на бинокль, упорно направленный на него изъ ближайшей въ ложѣ г-жи Ранцовой, крайней ко входу въ кресла, ложи. Держала его обнаженная, мясистая женская рука, а надъ нимъ красовалась нарядная кружевная наколка съ желтыми цвѣтами на темныхъ съ просѣдью волосахъ. Рядомъ съ владѣльцей бинокля сидѣла другая жейсовая молодая особа...

Адъютантъ, остановившійся подлѣ Троекурова — звали его барономъ Грюнштейномъ, — продолжалъ допрашивать его между тѣмъ:

— А ты самъ будешь?

— Гдѣ? нетерпѣливо проговорилъ Кавказецъ.

— На балѣ.

— А я тебѣ тамъ очень нуженъ?

Грюнштейнъ засмѣялся и пошелъ.

„Это онъ“, говорилъ себѣ мысленно Троекуровъ... Онъ задумался на мгновеніе и двинулся затѣмъ съ мѣста вслѣдъ за толпой, валившею изъ креселъ въ выходы на время антракта.

Онъ намѣревался зайти къ красавицѣ въ пунцовой мантиль. „Оттуда можно видѣть вблизи“... неопредѣленно, не договаривая себѣ самому мысли своей, думалъ онъ.

До него донесся по пути разговоръ двухъ юныхъ конногвардейцевъ, остановившихся на мгновеніе въ проходѣ и глядѣвшихъ на ту же, ближайшую къ ложѣ г-жи Ранцовой, ложу, на которой сосредоточено было все вниманіе самого его, Троекурова.

— Какъ хороша, видишь! говорилъ одинъ изъ нихъ.

— Прелестъ! Я ее видѣлъ въ Москвѣ; это сестра Сережи Лукоянова, кавалергарда...

И ему вдругъ стало досадно до злости за эти слова, за то, что эти „молокососы“ знали ее, смѣли говорить о ней, любоваться ея красотой...

А бинокль изъ той ложи продолжалъ все тѣмъ же не

отрываться отъ него... „Странно!“ думалъ на-ходу Троекуровъ, слѣдившій за нимъ, въ свою очередь.

Въ ложѣ г-жи Ряцовой сидѣли двое молодыхъ людей: нѣкто Хазаровъ, изъ недавнихъ правовѣдовъ, блонкурый, низенькій господинъ, съ плоскимъ, нагловатымъ лицомъ, и такой же низенькій, еще безусый лейбъ-гусарскій корнетъ, врѣпыщъ на пѣтушьяхъ ногахъ, отличавшійся совершенно купеческимъ пошибомъ фizioномiи, хотя и носилъ одну изъ древнѣйшихъ фамилій Россiи и состоялъ даже ея послѣднимъ представителемъ, князь Шастуновъ. Обоихъ ихъ словно передернуло при входѣ Троекурова. Хазаровъ, сидѣвшій подлѣ хозяйки, тутъ же всталъ, пожалъ ей руку и, склонившись внимательнымъ, какъ бы робкимъ поклономъ предъ вошедшимъ, вышелъ изъ ложи. Гусаръ, помѣщавшійся за спиной компанiона, поклонился также учтиво и поспѣшилъ откинуть въ спинку стула свой не по лѣтамъ развитый торсъ, перевалившійся было къ самымъ волѣнамъ черноокой красавицы.

Кавказецъ медленно опустился на мѣсто, оставленное Хазаровымъ, и подалъ ей руку.

Она галпула ему прямо въ глаза:

— Зачѣмъ не прiѣхали обѣдать сегодня?

— Не могъ; я обѣдалъ у Свиступова.

— Bon dîner au moins?

— Détestable! разсѣянно отбѣчалъ онъ, не глядя на нее.

Досадливое выраженiе пробѣжало по ея лицу. Она обратилась къ Шастунову:

— Такъ что же, князь? Это очень интересно.

Онъ принялся сообщать ей какую-то городскую новость.

Говорилъ онъ, что называется, *нудно*, словно жернова ворочалъ, съ какою-то внушительною интонаціей въ голосѣ, какъ говорятъ вообще тупые и притомъ самодовольные люди. У Троекурова подымалась желчь отъ тягучихъ звуковъ этого голоса, отъ вида этой „инъиобильной“ наружности.

Онъ закусилъ усь и закинулъ голову себѣ на плечо.

Словно только и ждала она этого, владѣлица биновля,

сидѣвшая въ сосѣдней ложѣ, торопливо закивала ему головой самымъ пріятнымъ образомъ.

Онъ отвѣчалъ на это почтительнымъ, чуть-чуть удивленнымъ поклономъ.

Она потянулась въ нему съ мѣста и изъ-за спины дочери — занимавшая рядомъ съ нею кресло напередѣ ложи молодой особа была ея дочь, Александра Павловна Луконова, — спросила его:

— Какъ же это вы здѣсь, а не въ Москвѣ?

Онъ съ величайшимъ изумленіемъ взглянулъ на нее:

— А почему это мнѣ надо быть въ Москвѣ?

— Развѣ вы ничего не знаете? видимо изумилась она, въ свою очередь.

— Ровно ничего! отвѣчалъ онъ съ улыбкой.

— Такъ зайдите къ намъ сюда, я вамъ разскажу, поспѣшно молвила она.

Онъ наклонилъ голову въ знакъ согласія и поднялся со стула.

— Кто это? какъ бы испуганно проговорила ему на ухо, прежде чѣмъ онъ успѣлъ встать на ноги, красавица Ранцова, не проронившая ни слова изъ предыдущаго разговора.

— Вы ихъ не знаете, коротко отвѣтилъ онъ на это, пожалъ ей еще разъ руку и вышелъ.

Добродушное, нѣсколько массивное, но хранившее слѣды несомнѣнной красоты лицо госпожи Луконовой выражало необычайное оживленіе. То, что она собиралась сообщить Троекурову, имѣло, очевидно, въ ея понятіи крайнюю важность для него. Едва успѣвъ онъ переступить черезъ порогъ ложи, какъ она усадила его въ темный ея уголокъ, и сама близко подѣлала къ нему, приерывъ на половину его колѣни своимъ огромнымъ нескладнымъ криволиномъ, съ вторымъ она ни какъ не умѣла справиться.

— Такъ вы рѣшительно ничего не знаете? начала она.

— Про что? я васъ не понимаю, все съ тѣмъ же изумленіемъ проговорилъ онъ.

— Про дядю вашего, Остроженко?...

— Что мнѣ про него знать! отвѣчалъ онъ, нахмурясь.